

УДК 801.318

В.И.Макаров**СУБСТАНТИВНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА***Гуманитарный институт НовГУ, vimak2001@mail.ru*

Contrastive analysis of the precentented phenomena and phraseological units regarding their semantics, formation and usage is carried out. The similarities and differences of the units are found, the examples show the general and the specific in the usage and in the contextual semantic transformations.

Ключевые слова: прецедентные феномены, субстантивные фразеологизмы, семантика

В настоящей статье речь пойдет об одном аспекте проблемы «Фразеологизмы и прецедентные феномены».

Проблема прецедентных феноменов была поставлена немногим более 20 лет назад, однако имеются уже десятки, если не сотни публикаций на эту тему. Прецедентные феномены (ситуации, выражения, имена, тексты) понимаются как ядро когнитивной базы носителей культуры, «сгустки» культурной информации [1-5].

Вопрос объединения фразеологических единиц (ФЕ) и прецедентных феноменов (ПФ) в одну группу является как минимум дискуссионным. Оба явления обладают очевидно схожими чертами: воспроизводимостью, апелляцией к некоторому прототипу, метафоричностью, употреблением в целях создания некоего экспрессивного эффекта, оценочностью, представляют

стереотипную ситуацию. Это дает основания ряду исследователей объединять их под одной рубрикой [6,7]. Весьма характерно следующее рассуждение: «Именно воспроизводимость фразеологизма, употребление его в “готовом виде” (при узואльнo фиксированном диапазоне видоизменения) как проявление устойчивости в речи позволяют отнести фразеологизмы к прецедентным текстам... Представляется, что мнение исследователей, указывающих на то, что фразеологизмы “имеют денотат, но за ними не стоит прецедентный текст или прецедентная ситуация”... и потому они не обладают “прецедентностью”, не совсем верно. Как правило, они имеют достаточно четкий источник — традиционную культуру (реже текстовые источники) — и отсылают именно к нему» [8].

Но такое понимание противоречит исходному определению прецедентных феноменов. В основе

каждого из них должен быть строго определенный текст и/или ситуация, которые воплощаются в языковой форме — имени или высказывания. Ссылки на «традиционную культуру» вообще как на источник прецедентности чрезмерно, на наш взгляд, расширяют диапазон этого понятия. При таком подходе прецедентным можно объявить любое слово, входящее в лексикон современного человека, особенно если оно обладает неким переносным значением.

Также стоит принять во внимание распространенный в ряде школ термин логоэпистема, т.е. единица коммуникативного пространства, которая характеризуется как «след языка в культуре или культуры в языке».

Термином «логоэпистема» обозначаются разнородные лингвострановедчески ценностные единицы (слова-понятия; крылатые слова, фразеологизмы, прецедентные тексты, «говорящие» имена и названия), представляющие аккумулированное знание фактов культуры [9]. Прецедентные тексты выступают в роли текстов-источников рассматриваемых логоэпистем, тогда как логоэпистемы представляют собой символы, «свертки» текста-источника и способны вызывать ассоциации у читателя.

В любом случае именно такое свойство ФЕ, как воспроизводимость в речи в готовом виде, позволяет исследователям рассматривать их как часть понятия прецедентности. Нам представляется, что точек соприкосновения ФЕ и ПФ несколько больше. Однако при этом состав, структура, свойства, происхождение единиц, составляющих обе группы, существенным образом различаются. Мы ставим своей задачей провести сравнение двух групп явлений, относимых к фразеологизмам и ПФ, по нескольким аспектам — в плане семантики, функционирования, структуры. Причем мы полагаем, что сравнивать эти две группы — субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена — вполне корректно исходя из тех свойств, которыми они обладают [10].

Прецедентные имена (ПИ) — это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [11].

Что касается семантики имени собственного, то обзор мнений по этому вопросу показывает традиционное для лингвистики разнообразие выводов.

Имя собственное обозначает единичный референт, тогда как имя нарицательное обозначает множественный референт. При этом следует иметь в виду существование омонимов. В других случаях обнаруживается многозначность имени, одни из значений которого относятся к числу собственных, а другие — к числу нарицательных. Возможны и другие случаи соотношения имени собственного с множественным референтом [12].

Становясь прецедентным, имя собственное обнаруживает тенденцию к выражению обобщенной семантики, различные свойства первичного объекта рассматриваются как образцовые и переносятся на новый объект, обладающий, по мнению говорящего, ими. Часто

такой перенос сопровождается переходом имени собственного в нарицательное (донкихот, золушка и т. д.).

В исследовании О.Н.Долозовой представлены следующие составляющие прецедентного имени *Золушка*, которые можно также рассматривать как стадии становления прецедентности:

— *первичный референт* (R1), или прототип (предмет, обозначенный именем), — героиня сказки Ш.Перро / Е.Шварца (кинофильма / мультфильма);

— *денотат* (D) (экстенционал) — представление о референте, целостный образ, возникающий в сознании при назывании имени вне контекста: *Золушка — бедная падчерица, которая вышла замуж за принца*;

— *сигнификат* (S) (интенционал) — понятие или комплекс дифференциальных признаков, складывающихся на основе инварианта денотативного образа (*Какой? Что делает? Что происходит с ним?*);

— *вторичный референт* (R2) — X, обладающий признаками (одним из признаков), входящими в понятие S [13].

Стоит лишь внести поправку, что экстенционал и интенционал данного имени могут включать не только обозначенные черты. Существует вариантность представлений о референте, ср. *Половозрелые российские золушки из года в год делают все, как их учили: подстраиваются под других, заискивающе улыбаются и задвигают свои интересы. Страх не угодить, не понравиться окружающим — это то, что отличает золушку; «Экология — золушка федеральной власти»*. Могут актуализироваться такие черты, как забитость, бесправие и т.д.

Субстантивные (именные) фразеологизмы (*авгиевы конюшни, бездонная бочка, дамоклов меч, властитель дум, мышьяная возня, синий чулок, медвежий угол*) обозначают предметы, явления, лиц, при этом, с точки зрения употребления, могут иметь как обобщенный денотат, так и конкретный. Ср. *«Это Катенька — обыкновенный «синий чулок»*. Я задумалась, ведь симпатичная же девчонка, а одевается кое-как, неужели ей не хочется быть красивой? Все-таки загадочные они личности, эти «синие чулки». Поняв, что жизнь проходит, «синий чулок» начинает судорожно пытаться наверстать упущенное. Староста нашей институтской группы была классическим образцом «синего чулка». В этой группе примеров фразеологизм «синий чулок» выполняет и номинативную функцию, и оценочную, относится к единичному референту и называет группу референтов, обобщает.

В целом можно сказать, что именные фразеологизмы имеют большую устойчивость семантики, чем прецедентные имена. С чем это связано? На наш взгляд, причина — в особенностях фразеологизации, с одной стороны, и в получении именем статуса прецедентного, с другой.

Что касается образования фразеологизма и его признаков, то все это давно и полно описано. Существуют надежные критерии, по которым оборот относится к числу фразеологических: метафоризация на основе словосочетания, обобщенно-переносное фразеологическое значение и т.п.

Что же касается, например, статуса прецедентных имен, то надежных критериев до сих пор, на наш взгляд, не выработано. В качестве таковых обычно выдвигаются следующие:

- связанность соответствующих имен с классическими произведениями;
- общеизвестность соответствующих феноменов или хотя бы их известность большинству членов лингвистического сообщества;
- регулярная воспроизводимость, повторяемость соответствующих имен в текстах;
- неденотативное использование того или иного имени в функции культурного знака [11].

Нетрудно заметить, что все они по отдельности уязвимы. Какие произведения считать «классическими»? Можно подобрать много ПИ, которые не будут связаны с «классическими» текстами, принимаемыми в качестве таковых безоговорочно. Относительно общеизвестности сами творцы теории прецедентности замечают, что она может быть разного уровня, ср. идеи В.В.Красных, Г.Г.Слышкина о феноменах глобально прецедентных, национально прецедентных и социумно прецедентных [5,14]. С воспроизводимостью те же проблемы, что и что с общеизвестностью. Сама по себе она не делает имя прецедентным. Что касается последнего критерия (неденотативного использования), то он представляется наиболее рациональным и продуктивным, хотя и здесь возникают определенные вопросы. Скажем, как характеризовать неметафорические употребления прецедентных имен, сохраняет ли в этом случае имя свой статус прецедентного или нет? Можно также обнаружить такие употребления, в которых статус (метафорический или нет) до конца не прояснен.

Нам кажется недооцененным критерий определения феномена как прецедентного через характер его употребления. Если прецедентный феномен употребляется без ссылки на его источник и тому подобных пояснений, то с точки зрения осознания его носителями языка это означает уверенность автора в том, что данная информация известна потенциальному адресату. При этом не важно, как именно используется ПФ — в метафорическом смысле или нет.

В целом же мы все равно получаем ряд признаков, которые в конкретных случаях употребления могут проявляться или же нет — в отличие, скажем, от фразеологизмов, которые даже во внешне преобразованном виде сохраняют «память формы» и именно за счет апелляции к ней приобретают конкретную для каждой ситуации экспрессивность.

Корень различий ПФ и фразеологизмов следует искать, как нам кажется, в том, что «прецедентные имена и высказывания есть элемент дискурса» [15], тогда как фразеологизмы — единицы языка. Прецедентные феномены проявляются в употреблении, вне контекста, коммуникации говорить о проявлении их прецедентных свойств (метафоричности, регулярной воспроизводимости) не приходится, тогда как фразеологизмы, извлеченные из контекста, суть те же самые фразеологизмы. В последовательности образования фразеологизмов, как нам представляется, на одно звено больше.

Сначала некое свободное сочетание слов метафоризируется, затем приобретает некое устойчивое фразеологическое значение, а потом употребляется в тексте. При этом вариантов употреблений достаточно много. Мы описали основные типы употреблений, которые не связаны с изменением их внешней формы [16]. В частности, мы выделили употребления денотативного и коннотативного плана, когда актуализировалась та или иная семантическая зона фразеологизма. Далее следовали употребления с контекстуальным приращением или редукцией семантики. Т. е. речь шла именно о тех процессах, которые мы можем наблюдать, в частности, в отношении прецедентных имен.

Экспрессивность при употреблении фразеологических единиц создается за счет разнообразного смыслового напряжения, возникающего между актуальным значением единицы и значением ее словосочетания-прототипа. У прецедентных имен стадия становления постоянной семантики отсутствует, они начинают употребляться в новых ситуациях «как есть», приобретая семантику контекстуальную. Их экспрессивность во многом имеет противоположный вектор — не от актуального значения к прототипу, а от исходной смысловой нагрузки на имя — к его реализации в новой ситуации.

Сравним в этой связи функционирование прецедентного имени *Д'Артаньян* и именного фразеологизма *рыцарь без страха и упрека*. Обе единицы часто употребляются в одном контексте и обладают схожим смыслом: *Но героем одной из его книг является мышь Ричипп — дуэлянт, задира, гордец, рыцарь без страха и упрека, этакий мышинный д'Артаньян... и ничего, никакого осуждения.*

Наблюдения показывают, что в контексте актуализируются самые различные черты образа «д'Артаньян». Наиболее часто, естественно, те, что связаны с романтическими чертами храбреца и благородного героя, но далеко не только эти: *Страстный мачо, любимец женщин, этакий д'Артаньян; Криминальный авторитет в глазах читателя предстает романтическим героем с неукротимым характером — этакий д'Артаньян якутского разлива.*

А вот примеры иного свойства: *Царь Петр востребовал ослушника пред свои очи ясные. Для сей комиссии нашелся исполнитель — капитан Румянцев, этакий российский д'Артаньян.* Здесь основа актуализации — прецедентная ситуация из романа Дюма, когда д'Артаньян должен выполнить приказ короля об аресте Фуке. *За его спиной на стене висел автопортрет юных лет — этакий д'Артаньян с черными усиками и жгучим взглядом.* Здесь актуализируется параметр внешнего сходства персонажа с д'Артаньяном. *И когда наши отечественные д'Артаньяны выбирают служение Родине, а не власти, им обязательно вспоминаются великие слова Атоса: «Вы сделали то, что должны были сделать, д'Артаньян, но, может быть, вы сделали ошибку».* Тут снова обыгрывается прецедентная ситуация — выбор героем пути в жизни, того, кому и чему служить.

И наконец совсем необычное, но очень распространенное в последнее время использование этого имени — ироническое, обозначающее человека, стре-

мящегося выглядеть идеалом на фоне остальных, при этом часто не гнушающегося в этих целях всячески осуждать всех окружающих. Сложилось даже клише: «Все вокруг ... (в пропуске могут быть различные слова от вполне литературных до неприличных), а я д'Артаньян»: *Бросается в глаза, что все вокруг шоумены, один он д'Артаньян; Если он считает себя д'Артаньяном, пусть тогда с д'Артаньянами и играет; Позиция «Я — д'Артаньян, а все кругом... нехорошие люди» уж точно выдает в руководителе такого эйфористичного мизантропа и может служить только отрицательной характеристикой.*

По сути, прецедентное имя не имеет устойчивого, закрепленного за ним переносного значения, что позволяет варьироваться его актуальному смыслу в довольно широком диапазоне.

Для сравнения можем отметить, что фразеологизм *рыцарь без страха и упрека*, при всех его семантических и внешних вариациях, все равно используется с оглядкой на его основное фразеологическое значение.

В одном из кинобезумств Монтти Питона (то ли в «Св. Граале», то ли в «Смысле жизни») был такой эпизод: *рыцарь без страха и упрека*, защищая никому не нужный мост на лесной опушке, подвергается нападению, и по ходу битвы ему отрубают левую руку; *Рыцарь без страха и упрека*. Сегодня российский спорт чувствует одного из самых ярких представителей 60-х годов, да, пожалуй, и всего советского периода. Борис Лагутин!...; Он вытисал не ходячего «*рыцаря без страха и упрека*», а живого человека; Константин Хабенский сыграл *рыцаря без страха и упрека*. Поскольку «белого» террора в фильме нет, то и упрекнуть в нем адмирала Колчака нельзя. В этой группе примеров варьирование семантики идет по линии «денотативность — оценочность». В одних случаях фразеологизм явно употребляется в оценочном смысле, в других — для обозначения субъекта. Но базовая семантика сохраняется.

В других случаях компонент «рыцарь» как бы отсекается от основного фразеологизма, но тема «рыцарства» все равно поддерживается: *Без страха и упрека*. Как можно отнестись к взрослым людям, которые, надев средневековые наряды и доспехи, изображают из себя благородных *рыцарей* и прекрасных дам?

Многочисленны примеры того, как компонент «рыцарь» замещается каким-то более актуальным в контексте: *Обама без страха и упрека*; *Альфред Йодль. Солдат без страха и упрека*; *Боевой путь начальника ОКВ Германии; Роды без страха и упрека*. Возможны ли вообще роды без страха и боли?; *Продажи без страха и упрека*.

Благодаря добавлению или, наоборот, редукции компонентов выражение обретает новые смыслы, однако память о первичной форме сохраняется, иначе вновь полученные обороты выглядели бы вычурно и иногда бессмысленно: *Рыцарь страха и упрека*, или *Принц на свинцовой горошине* (О. Д. Быкове); *Читатель видит в городничем... рыцаря внутренней безопасности без страха и упрека* а ля Шарапов; *Я рыцарь без страха, но с упреком*.

Наконец, в ряде примеров фразеологизм вроде бы разрушается полностью, однако экспрессивность создается в основном за счет соотношения актуального контекста с первичной формой оборота: *Бесстраха и упрека не дает собственникам страховать свое имущество; Про страх и упреки*. В России таких пьес не пишут и уж тем более не экранизируют.

Таким образом, мы видим, что между фразеологизмами и прецедентными феноменами много общего в плане употребления: схожие схемы включения в контекст, семантических преобразований. Однако отсутствие у прецедентных имен образцовой эталонной семантики порождает иные механизмы создания экспрессивности, нежели у фразеологизмов. Кроме того, так называемые «неметафорические» употребления прецедентных феноменов, как правило, не имеют экспрессивной функции, тогда как у фразеологизмов эта задача присутствует практически всегда, вне зависимости от способа включения в контекст. Можно сделать осторожный вывод о том, что эти два типа единиц имеют пересекающиеся «зоны действия», но при этом сохраняют каждая свое лицо, и поэтому говорить относительно объединения их под одной рубрикой преждевременно.

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. 264 с.
2. Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста: тезисы выступления на совещании. М., 1987. С. 144-145.
3. Костомаров В.Г. Прецедентный текст как редуцированный дискурс // Язык как творчество. М., 1996. С. 297-302.
4. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности: Монография. М., 1999. 152 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002. 284 с.
6. ПикULEVA Ю.Б. Прецедентные культурные знаки советского времени в коммерческой и политической отечественной рекламе // Советская культура в современном социопро- странстве России: трансформации и перспективы. Мат. науч. интернет-конф. Екатеринбург 28-29 мая 2008 г. Екатеринбург, 2008 — <http://elar.usu.ru/handle/1234.56789/1828>
7. Шульга М.А. Фразеология в ряду прецедентных феноменов в русском тексте // Славянская фразеология и прагматика. Zagreb, 2007 (электронная версия на CD).
8. Илюшкина М.Ю. Прецедентные феномены в печатной рекламе — <http://mmj.ru/philology.html?&article=107&cHash=501f75b6c8>
9. Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Старые мехи и молодое вино. Из наблюдений над русским словоупотреблением конца XX века. СПб., 2001. С. 37.
10. Родионова И.В. К вопросу о специфике отражения прецедентного текста на уровне языковых отономастических номинаций // Известия Уральского гос. ун-та. 2001. №20 — [http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020\(01_04-2001\)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp](http://proceedings.usu.ru/?base=mag/0020(01_04-2001)&xsl=showArticle.xslt&id=a09&doc=../content.jsp)
11. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007. 207 с.
12. Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001. 200 с.
13. Долозова О.Н. О семантике прецедентного имени — <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=97225>
14. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. М., 2000. 128 с.
15. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М., 2004. С. 156. См. также: Костомаров В.Г. Указ. соч.
16. Макаров В.И. // Вестник НовГУ. Сер.: Гуманит. науки. 2000. №15. С. 98-102.